

ПАМЯТИ КОМИССАРЖЕВСКОЙ.

В Петербург.

Траурное утро.

(По телефону из СПб. от нас. кор.)
Сегодня на третьей панихиде по В. Ф. Комиссаржевской собралось необычайное количество публики. Присутствовало свыше 3 тысяч человек. Собор был переполнен.

Кроме того, состоялись панихиды в церкви Космы и Дамиана, отслуженная театральная секция общества народных университетов. Состоялись также панихиды на Невских курлах и в музыкальных школах.

Ректор петербургского университета отказал студентам, ходатайствовавшим о разрешении отслужить панихиду в университетской церкви.

Директор Новато-драматического театра, принадлежавшего Комиссаржевской, намерен обратиться к владыке театра кн. Демидову-Сант-Довато с ходатайством о присвоении театру постоянного наименования театра В. Ф. Комиссаржевской.

В организационный комитет по чествованию памяти покойной артистки поступило несколько заявлений от представителей высших учебных заведений. В этом заявлении сообщается, что известный % собора на ввипи предлагается принять «да основания фонда для постройки памятника Комиссаржевской на ее могиле и в здании ее бывшего театра». Часть сбора будет употреблена на учреждение койки имени Комиссаржевской в больницы для престарелых спенических дятелей.

М. Г. Савина намерена обратиться в редакцию некоторых газет с предложением организовать повсеместный сбор на учреждение стипендии имени Комиссаржевской в училищах для престарелых спенических дятелей.

Панихиды в Москвѣ.

Церковь Космы и Дамиана, что в Шубинъ на Тверской площади, полна пришедшими почтить память покойной.

Здѣсь семейство Гучковъ, Н. Д. Кравцовъ, А. А. Бахрушинъ, М. А. Мажоранъ, артисты, артистки, представители прессы. Много учащей молодежи.

Послѣ литургіи, передъ панихидой, совершающій богослужение о. Лебедевъ произнесъ слово.

Проповѣдникъ говорилъ, что будетъ произнесено в рѣчь о скончавшейся артисткѣ В. Ф. Комиссаржевской, для служения о дѣлательности которой не имѣетъ данныхъ, такъ какъ онъ, въ силу своего сана, далекъ отъ драматическаго искусства, но будетъ говорить проповѣдь.

Отмѣтивъ неоспоримую кончину покойной артистки, о. Лебедевъ говорилъ, что какъ бы высоко человѣкъ ни стоялъ въ области духа, въ физическомъ отношеніи онъ подверженъ всякимъ случайностямъ.

— Есть высшее существо, управляющее вселенной.

Ораторъ обратился къ присутствующимъ въ храмъ служителямъ въ области красоты — и искусства, совету имъ чаще обращаться къ высшему источнику всякой красоты, и указавъ на постоянную въ древнихъ временахъ связь религіи съ прекраснымъ въ области природы и искусства.

Связь религіи съ искусствомъ отмѣчена и въ архитектурѣ, и въ живописи, и въ музыкѣ — церковномъ лѣтисіи.

— Всѣ изящныя искусства служатъ для нуждъ богослуженія. Единственное искусство, къ которому церковь относится съ предубѣжденіемъ — это зрѣлищное искусство, къ которому относится и драматическое. Это предубѣжденіе идетъ съ тѣхъ временъ, когда римская толпа требовала хлѣба и зрѣлища, и эти зрѣлища были кровавыми, низменными. И въ наше время есть низменная зрѣлища, потому церковь и до сихъ поръ относится съ предубѣжденіемъ ко всей области зрѣлищнаго искусства. Но если есть жерца низменнаго искусства, то есть и носители высокихъ идеаловъ красоты въ области драматическаго искусства.

— Къ числу такихъ принадлежатъ и покойная Комиссаржевская, говоря это въ словахъ друзей, самъ я не могъ этого не сказать.

— Разсѣчь съ земной жизнью Комиссаржевской покоеніемъ. Покоимся о ней, чтобы она лилась къ лицу зрѣла высокую неуязвимую красоту на небѣ, съ которой несправедливо никакая земная красота, и чтобы она наслаждалась озареніемъ никогда не заходящаго свѣта въ царствѣ небесномъ.

Слово произнесъ сильный впечатлѣніе на присутствовавшихъ. Его слушали съ большимъ напряженнымъ вниманіемъ.

Панихиды по В. Ф. Комиссаржевской артистовъ Малаго театра въ церкви при театральномъ школѣ вчера состоялась въ три часа дня.

Во время панихиды пѣлъ церковный хоръ гдѣшнихъ.

На панихидѣ присутствовала почти вся труппа Малаго театра съ А. И. Южинымъ во главѣ.

Изъ Художественнаго театра К. С. Станиславскій, В. И. Немировичъ-Данченко, А. Л. Вишневскій, Лузскій и Москвитинъ.

Изъ администраціи контормъ Императорскихъ театровъ былъ лишь заведующій монтажно-вой частью г. Божовскій.

Студенческое общество искусство и изящной литературы открыло подписку на въносъ В. Ф. Комиссаржевской, который будетъ возложенъ на гробъ отъ имени всего студенчества московскаго университета.

Подписки предшествовало слѣдующее воззваніе:

«Товарищи! Умерла Комиссаржевская. Нѣтъ нужды тратить слова на то, чтобы изобразить, что мы, молодые, потеряли съ нею. Она была наша и этого достаточно. Необходимо, чтобы, когда она въ послѣдній разъ посетитъ Москву, мы заведѣли себя свою любовь къ ней, преданность и безграничную скорбь. Желательно организовать сборъ пожертвований на въносъ отъ студентовъ московскаго университета, являющихся въ соргоѣ въ вокзалъ и отслужить панихиду.»

Вчера въ фойѣ Художественнаго театра, по приглашенію дирекціи послѣдняго, собралось артисты московскихъ драматическихъ театровъ и представители литературнаго міра.

Одна изъ стѣнъ фойѣ была задрпирована чернымъ сукномъ. На ней висѣлъ портретъ Комиссаржевской, кисти Савина. Большой букетъ цвѣтовъ, красиво брошенный на черномъ фонѣ, составлялъ убранство портрета. Было все это просто, но очень изяшно. Около портрета устроена была небольшая каедрка.

Собраніе, посвященное памяти покойной артистки, открылось небольшою рѣчью Вл. И. Немировича-Данченко.

По предложенію его почтить память вставаніемъ, всѣ собравшіеся поднялись. Многие не глубокаго молчанія. Хоръ изъ артистовъ запѣлъ «Вѣчную память», а затѣмъ «Со святыми упокой».

Чувствовалось настроеніе глубоко-молчаливое. Многие, очень многие подносили руки къ глазамъ и тайкомъ старались смахнуть выступившія слезы.

Когда всѣ вновь заняли свои мѣста, на сцену вышелъ маститый писатель Н. Д. Боборыкинъ, который и открылъ своею рѣчью изъ глубины сердца безъ-рѣчей.

Послѣ него говорили А. И. Южинъ, Н. Е. Эрфортъ, С. В. Потресовъ (Сергій Яблоновскій) и Н. В. Туркина.

Затѣмъ А. А. Адашевъ прочиталъ стихотвореніе Лоло.

Снова поднялся Вл. Ив. Немировичъ-Данченко и пригласилъ публику въ верхнее фойѣ. Тамъ всѣмъ былъ предложенъ чай.

Разговаривая отдаланными группами, артисты и журналисты еще долго бесѣдовали, дѣлились воспоминаніями другъ съ другомъ о Комиссаржевской.

По предложенію Вл. Ив. Немировича-Данченко послана телеграмма въ Ташкентъ болѣлымъ артистамъ труппы Комиссаржевской, а по предложенію К. С. Станиславскаго — брату Вѣры Федоровны — Ф. Ф. Комиссаржевскому.

Рѣчь В. И. Немировича-Данченко.

Дорогіе друзья! Разрѣшите мнѣ обратиться съ такимъ привѣтствіемъ къ вамъ, собравшимся здѣсь и объединеннымъ общей скорбью, охватившей насъ всѣхъ.

Прежде всего я долженъ объяснить смыслъ нашего сегодняшняго собранія. Давно уже чувствуется потребность въ такіе дни скорно вступаются драматическимъ артистамъ не только для молитвы объ упокоеніи души умершей, но и для живого, духовнаго, совершенно простого общія воспоминаніями, впечатлѣніями, которыя у каждого изъ насъ есть. Если мы удалимъ эту потребность, то, можетъ быть, сегодняшнее собраніе послужитъ первымъ опытомъ гражданскаго панихиды. Тутъ нѣтъ никакого протеста противъ лицъ, отъ которыхъ болѣе или меньше зависитъ теченіе панихидъ дней.

Правда, въ театрѣхъ не въ первый разъ запрещаютъ панихиды, и на нашу просьбу совершить панихиду въ стѣнахъ театра мы получили отвѣтъ, что по распоряженію высшей духовной власти панихиды въ театрѣхъ, какъ и всякое церковное служеніе, воспрещаются.

Мы знаемъ, что въ театральномъ обществѣ панихиды были, она также и въ театральномъ училищѣ, а въ театрѣхъ ради котораго существуютъ и театральное общество и театральное училище, она уже запрещается.

По я думаю, что наша душа сейчасъ настроена не такъ, чтобы протестовать, хотя мы не понимаемъ подобнаго порядка, и если наше сердце сейчасъ протестуетъ, то только противъ того рока, который вырываетъ изъ нашей среды однихъ изъ самыхъ чудесныхъ талантовъ. Съ такою потерей не можетъ примириться сердце человѣка, несмотря ни на какія успокоительныя философіи.

Рокъ вырываетъ у насъ однихъ изъ свѣтлѣйшихъ на пути нашего служения искусству, однихъ изъ тѣхъ громадныхъ талантовъ, творчество которыхъ имѣетъ истиннокомъ таинственные родники природы, однихъ изъ тѣхъ талантливыхъ людей, которыхъ отъ вѣчнаго въ него божескаго свѣта освѣщается весь нашъ путь, и освѣщается мы. Это тѣ таланты, дорогъ намъ болѣе всего потому, что онъ подкрѣпляетъ въ насъ глубокую вѣру въ то, что наше дѣло не есть ремесло, хотя бы и прекрасное, а есть божественный долгъ. И когда такіе чудные таланты вырываются изъ нашей среды, то становится не только скорбно и жалко, но становится страшно, потому что эти свѣтлѣйшіе освѣщаютъ нашъ путь, и по несомнѣннымъ ихъ мы можемъ въ духѣ шагать не видѣть пути, мы можемъ толкаться въ темнотѣ. Когда же мы знаемъ, что такихъ свѣтлѣйшихъ среди насъ немного, то мы должны особенно дорожить памятью о нихъ, и особенно пожелать вѣчной памяти такому свѣтлому, какимъ была сейчасъ Комиссаржевская, покинувшая насъ. Я предлагаю почтить память ее вставаніемъ. (Всѣ встали).

Рѣчь П. Д. Боборыкина.

Вѣроятно, многие изъ здѣсь присутствующихъ могутъ обогатить сегодняшнюю бесѣду личными воспоминаніями о покойной В. Ф. Комиссаржевской. На мою долю выпала особенная удача видѣть ее не только въ распѣвѣ въ художественнаго дарованія, но и въ числѣ исполнительницъ той пьесы, гдѣ она создала главную роль. Я не буду углублять васъ моимъ личными авторскими воспоминаніями, я буду говорить съ вами просто, какъ зритель, или какъ старый другъ театра, передъ которымъ прошла цѣлая серия творчества на сценѣ въ видѣ репертуара и въ лицѣ самыхъ выдающихся талантовъ русской сцены, начиная съ 50 хъ годовъ, т. е. съ Михаила Семенича Щепкина и вплоть до настоящаго момента.

Вѣра Федоровна была тѣмъ, что и называемъ актрисой жизни, она принесла цѣлый комплексъ личныя испытаній, въ томъ числѣ и очень горькихъ, она представляла собой типическое выраженіе тѣхъ трепетаній женской души, тѣхъ съ порывовъ и той общественной физиономіи русской женщины, какъ она сложилась на рубежѣ двухъ вѣковъ, въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія, и въ то же самое время она уже носила въ себѣ зачатки даль-

нѣйшихъ стремленій не только какъ актриса, но и какъ будущая руководительница сцены. Она чрезвычайно чутко отзывалась на всѣ новѣйшія литературныя и художественныя вліянія, можетъ-быть, даже черезчуръ пылко.

Если бы она шла обыкновенною дорогой первой актрисы, то она до сихъ поръ, быть можетъ, не надорвала бы своихъ силъ и осталась-бы болѣе или мене тѣмъ, чѣмъ она была до сихъ поръ. Но ее дѣйствительно трагическая судьба, какъ исследовательница новыхъ идеаловъ для театра, показала, что она не осталась вѣрной той традиціи, въ которой она была воспитана, традиціи почтеннымъ, но природная чуткость и сила вели ее дальше.

Возьмите актрисъ, только что выходящихъ изъ консерваторіи, проникнутыхъ принципами и правилами искусства, вѣрныя классической французской литературѣ. Они страдают отъ отсутствія чуткости, которая такъ проявлялась въ В. Ф. Показу, что она слишкомъ много силъ потратила на эти исканія, но важно то, что она выступила на сцену не какъ представительница застѣтыхъ взглядовъ, ходячихъ симпатій и антипатій, удовлетворенная тѣми формами, которыми имѣли старинность, а съ вѣчными порывами, и надо сказать, — чтобы и дальше въ исторіи русскаго театра всегда являлись также самородки, таланты, которые выходили бы изъ жизни и приносили бы изъ этой жизни новыя впечатлѣнія, новыя трепетанія женской души и въ то же время были отъчужденными на все то, что литература, критика, движеніе идей религиозно-философскихъ и эстетическихъ приносятъ въ театрѣ. На этомъ пожеланіи позволяете мнѣ кончить свои слова.

Рѣчь А. И. Южина.

Вотъ ужъ неистинно не время говорить сейчасъ. Лучшее украшеніе одной части нашего огромнаго цѣлаго, однихъ изъ тѣхъ нервовъ, благодаря которымъ живетъ наше громадное театральное дѣло, сейчасъ запечатлѣно въ синеватый гробъ и вѣдетъ изъ глубины средней Азии сюда, въ Москву, для того, чтобы получить наше послѣднее «прости».

Невозможно говорить о томъ, что настъ волнуетъ.

Но такія страшныя событія, какъ тѣ, которыми мы теперь переживаемъ, волѣй-неволей вызываютъ у насъ живую потребность говорить, тѣмъ-нибудь связать эти дорогия жертвы, которыя высила силы требуютъ отъ живого организма, съ тѣми задачами, которыя онъ осуществилъ, съ тѣми путями, которые онъ намъ указываютъ.

Для того, чтобы использовать вполнѣ ту цѣль, которую я стараюсь подчеркнуть этими словами, нужно изслѣдовать, выявляющееся въ большую, серьезную книгу, надъ каждымъ словомъ должно быть вѣшено, гдѣ изъ одной фразы не должно быть пушено на вѣтеръ. Вѣдѣние этого и надѣюсь, что дорогіе друзья мои не потребуютъ отъ меня ассерторнаго освѣщенія этого необычайнаго явленія.

Я останавливаюсь только на двухъ моментахъ изъ жизни Вѣры Федоровны, особенно привлекающихъ наше вниманіе.

Попробуемъ на минуту оглянуться на путь, пройденный русскимъ театромъ съ того момента, когда оно стало зарождаться въ странѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы чистое извѣстное искусство расцвѣтало полнымъ цвѣтомъ. Крѣпостная Россія, крѣпостной актеръ, безродный, отношеніе къ театру, которое и теперь, въ началѣ 20-го вѣка, запретило устроить панихиду въ этихъ стѣнахъ, что, конечно, не мѣшало нашему молчаливому благоговѣйному настроенію, — и вотъ при этихъ условіяхъ изъ конца въ конецъ Россіи ходятъ люди, часто грубые, примитивные, необразованные, играющие по какому то наитію. Эти несчастные, голодные, измученные люди изъ конца въ конецъ вносятъ въ страну произволъ и насилие дтупи красоты, правды, свободы и истины. И вотъ, господа, если мы оглянемся назадъ и посмотримъ, гдѣ сейчасъ умерла Комиссаржевская, это странное разнотеніе намъ покажетъ, какъ великъ путь въ моральномъ, переносномъ смыслѣ, пройденный русскимъ безправнымъ, немущимъ актеромъ, часто полугодомымъ.

Это первое, на что я хочу обратить ваше вниманіе.

Второе — это то, до какой степени глубоко значение имѣла В. Ф. въ томъ, что есть дорогого въ русской жизни. Вы посмотрите, въ какіе дни пришла вѣсть о ея смерти и какъ она отразилась, несмотря на то, что вниманіе общества было направлено въ другую сторону. Мы приходили съ тѣмъ-то и тѣмъ-то въ общественныя группы, чествовавшими пріѣздъ представителей великой націи, и я видѣлъ, что на нихъ какой-то трауръ, какой-то флеръ набрасывался эта свѣтлая смерть. Я желаю, чтобы каждый изъ насъ въ память этой тяжелой утраты послѣ въ своей дѣлѣ образъ великой, священной мисіи русскаго актера, которую такъ осуществилъ усоній нашъ товарищъ.

Рѣчь Н. В. Туркина.

Вѣра Федоровна была на сценѣ немного времени. Всего 15 лѣтъ. Но сама сцена за эти 15 лѣтъ прошла длинный, длинный путь. Онъ начался «Соранцемъ» Виктора Крылова и довелъ насъ до «Анатоля» Л. Андреева; отъ мѣщанской драмы Гудермана онъ привелъ насъ къ поэзии Метерлинка и къ изящному реализму Кнута Гамсуна.

Каждый этапъ этого длиннаго пути требовалъ своихъ артистовъ и своей сценической техники.

Вѣра Федоровна прошла черезъ всѣ эти этапы, не давъ поработить себя ни одному изъ нихъ. Черезъ дебри дремучихъ и цѣпкихъ уклонностей стараго театра пронесла артистка данній ей неомъ прекрасный талантъ и во все его свѣжести и красотѣ отдала бы, несомнѣнно, тому новому театру, который еще грядетъ и дыханіе котораго съ особю ясностью чувствуется въ стѣнахъ Художественнаго театра.

Смерть похитила артистку. Похитила самую прекрасную посылку прекрасной мечты нашей о грядущемъ театрѣ.

Раннеею весной лѣтний дѣсь выглядѣть обыкновенно чернымъ. На черныхъ вѣткахъ

крѣпкихъ дубовъ держатся еще почернѣвшіе за зиму прошлогодніе листья. Земля покрыта черными листьями осины и ольхи. Столбы еще сырые и черные. Въ низинахъ стоитъ вода, черная отъ листьевъ.

Въ такихъ черныхъ дѣсахъ, пробываясь изъ подъ прошлогоднихъ листьевъ, растутъ маленькіе темно-синіе цвѣты. Лѣтняя фиалка. Нѣжныя, съ тонкимъ шарующимъ ароматомъ, онѣ дышатъ свѣжестію и молодостію.

Вѣра Федоровна любила цвѣты. Но особенно сильно, съ болѣзненнымъ страстностью, она любила фиалки.

Фиалки, какъ послѣдняя улыбка жизни, проросли ея на ложѣ смерти. Въ день послѣдняго спектакля обдѣянный столъ былъ усыпанъ фиалками и передъ приборомъ Вѣры Федоровны лежалъ букетъ фиалокъ.

Да и сама Вѣра Федоровна, такая нѣжна, съ своими грустными, большими глазами, съ своею шарующею красотой богатаго духовнаго міра, — развѣ не была она сама живою фиалкою въ сумрачныхъ дѣсахъ русской дѣйствительности?

Въ моей памяти, среди многихъ черныхъ и мрачныхъ воспоминаній, свѣтлою полоскою, какъ фиалка весной въ тѣсѣ, живутъ воспоминанія о первыхъ сценическихъ шагахъ Вѣры Федоровны. Ими вкрапѣвъ я и хочу подчеркнуть сейчасъ съ вами.

Слѣдующій разъ назавѣ въ Новоторжскій держалъ театрѣ Н. Н. Сидельниковъ. Онъ собралъ очень сильную по тому времени труппу. Въ составѣ ея входили: Киселевскій, Рошнинъ-Исаровъ, Степанецъ, Казаковскій, Михайловъ, Шинтоговъ, Волгина, Сидельникова, Пудова и другіе. Въ эту труппу и была пригласена Вѣра Федоровна. Пригласилъ ее по рекомендаціи Киселевскаго на водевильныя роли за 150 руб. въ мѣсяцъ. Всѣ въ труппѣ были болѣе, всеросскіи извѣстные артисты, а она маленькая, начинающая актриса.

Какое тогда время было?

Кагда будетъ написана исторія русскаго театра... А русскій театръ не имѣетъ еще писанной исторіи. И вотъ вамъ на лицо въ этомъ фактѣ одинъ изъ неперелажныхъ заковъ русской дѣйствительности.

Кагда, говорю я, будетъ написана исторія русскаго театра, то самый грустный періодъ его будетъ называться петербургскимъ періодомъ. Характерною особенностью его было извѣденіе автора до степени ремесленника. Пьесы писались на извѣстныхъ артистовъ, какъ плата за пьесу. У каждой крупной артистки были пьесы, специально для нея написанныя. Такъ и вѣдѣли онѣ изъ города въ городъ съ собственнымъ гардеробомъ и съ собственными пьесами.

И вотъ пришлось маленькой начинающей актрисѣ, не имѣющей ни своего гардероба, ни своихъ пьесъ, ни знанія приѣмовъ сценической техники, выступить среди болѣешихъ, извѣстныхъ артистовъ. При такихъ условіяхъ ея не должны были бы и заводить. Вѣра Федоровна добиторовала въ «Дѣлѣ картѣ» Щепкина-Куперникъ, въ «Волшебномъ вальсѣ» Шинтогова и другихъ одноклассныхъ пьескахъ. Публика она поправилась. Ее скоро полюбили зрители. Но про нее говорили:

— Ну, она еще не актриса! Никакой общности. Любительница. Ей еще надо учиться.

Какъ всегда бываетъ, все своеобразное, свѣжее, талантливое, что принесла съ собою на зачатку сцену новая актриса, — все было отнесено на счетъ ея неопытности. Напыленные люди не могли понять, что эта-то «неопытность» и заставляла ихъ полюбить новую актрису. Подъ вѣчнымъ традиціи она даже въ своихъ чувствахъ не была въ состояніи разобраться и трезво отдать себѣ отчетъ.

Иначе отнеслась къ Комиссаржевской ислѣнная печать. Въ мѣстной газетѣ на Комиссаржевскую было указано, какъ на изъ ряду выходящую талантѣ.

Долженъ отмѣтиться. Это указаніе принадлежало собственно не газетѣ, а одному любящему театру изъ публики. Мнѣ извѣстно, что редакторъ настаивалъ на вынужденіи отъ отношеніи къ Комиссаржевской. Авторъ-любитель не согласился. А такъ какъ на его сторону было болѣе преимуществъ, — онъ не бралъ гонимара за свои статьи, — то одался редакторъ. Статьями въ мѣстной газетѣ остались недовольны артисты.

Недовольство обуславливалось тѣмъ, что начинающую актрису поставили наряду съ заслуженными генералами сцены, — Киселевскимъ и Рошнинъ-Исаровымъ. То, что считалось свѣдѣніемъ неопытности актрисы, отнесено было на счетъ достоинствъ ея свѣжаго и оригинальнаго таланта. Наконецъ, указывалось на то, что по свойствамъ своего таланта актриса должна стать крупной драматической артисткою, а она и въ разнѣхъ театрахъ еще не выступала, играя только въ водевиляхъ и вторыхъ роляхъ въ комедіяхъ.

И возгорѣлись въ театральномъ мірѣ споры. Обрисовывались идеалы каждаго:

И. П. Киселевскій, старшій изъ артистовъ, имѣлъ идеалы театра позиди, — въ эффектныхъ французскихъ мелодрамахъ (его двоюродною псеею былъ «Кардиналъ Ришелье») и волеводилъ съ пѣніемъ. Скептически относился къ тогдашней современности, онъ авторитетно нахвѣлъ для В. Ф. Комиссаржевской карьеру актрисы на водевилѣхъ съ пѣніемъ.

— У насъ пошли нынѣ не актрисы, а ковокки, — говорилъ онъ. — Отъ нихъ требуется для разныхъ тамъ «Соранцевъ» улыбка скакать на сценѣ, прыгать на козлы, таранить напыленные глаза и съ невиннымъ личикомъ болать дѣтскимъ языкомъ далеко не невинный влоръ. Бѣзпѣчнѣе на этихъ роляхъ сценіи алкированы. И черезъ это сходится со сцены, унываетъ прекрасный, здоровый родъ искусства: водевилъ съ пѣніемъ. У Комиссаржевской есть всѣ данныя для того, чтобы сдѣлаться хорошо водевилною актрисой и воскресить на сценѣ водевилъ съ пѣніемъ.

Путь пореботорѣтъ лѣтъ пять, пріобрѣтѣтъ себѣ репертуаръ водевилныхъ, и тогда ея карьера сдѣлана, въ каждой труппѣ она будетъ желанной.

Киселевскій все это высказывалъ убѣжденно и обижался, когда съ нимъ не соглашались.

Н. Н. Сидельниковъ горячо оспаривалъ возможность для В. Ф. Комиссаржевской стать драматическою актрисой.

Какъ въ нашей православной церкви, водержи основными поимѣями самой церкви, на должностъ соборнаго протоіакона выбираются только по голосу и росту, такъ и въ театрѣ на роли драматическихъ героинь выбирались актрисы виднаго роста, съ красивымъ, дѣловымъ лицомъ и сильнымъ голосомъ. И роли тоскующихъ и страдающихъ Катеринъ и Маріи-и-исеполаа кака-нибудь женщина-богатырь. Какъ же можно было театральному чело-вѣку того времени вообразить себѣ В. Ф. Комиссаржевскую въ драматическихъ роляхъ?

Изъ всѣхъ артистовъ труппы Сидельникова, гротушину силу въ талантѣ Комиссаржевской безспорно прозвѣлъ одинъ Н. П. Рошнинъ-Исаровъ. Онъ опредѣлялъ ее однимъ словомъ:

— Громила.

Кагда въ труппѣ заболѣла Сидельникова, то Комиссаржевской пришлось замѣнить ее и сыграть нѣсколько драматическихъ ролей. Зрѣлье опредѣлялось уже ясно, что талантъ молодой артистки по существу своему преедъ всего драматическій. За то, что Вѣра Федоровна въ теченіе мѣсяца играла за Сидельникову, ей дали въ награду бенефисъ.

Помню, кагда зашла рѣчь о выборѣ пьесы на ея бенефисъ, любитель театру, о которомъ я говорилъ, нахвѣлилъ всѣхъ. Отвѣдая весь репертуаръ тогдашняго времени, со всѣми пухлыми пьесами, онъ предложилъ поставить только что вышедшую въ переводѣ драму Ибсена «Строитель Сольнесъ».

— Комиссаржевская въ роли Гильды и Рошнинъ-Исаровъ въ роли Сольнеса! Развѣ можно вообразить себѣ что-нибудь дурнее...

И эта мысль такъ сильно завладѣла пмъ, что онъ пошелъ къ Рошнину-Исарову и сталъ его убѣждать:

— Прочитай, Николай. Эта роль должна сдѣлаться лучшимъ твоимъ ролю. Прочитай, и тебѣ захочется играть. Это — новая весна въ драматической литературѣ.

Шли дни за днями. Осталась недѣля до бенефиса.

— Ну, что же, Николай?

— Все равно, кагда теперь разучивать. Надо ставить что-нибудь игралное.

Надо замѣтить, что называемъ Рошнину-Исарова чтение пьесы среди разгара сезона было и наною, и жестоко. Артистъ въ провинціи, да еще тотъ, на которомъ лежитъ весь репертуаръ, который каждый день выступаетъ передъ публикой, — конечно, не имѣлъ ни времени ни желанія загладывать въ новыя пьесы.

Чтобы отмѣтить разницу кагда же опредѣлялись талантомъ юной артистки, — такимъ тонкимъ и нѣжнымъ въ своихъ вышнихъ краскахъ и такимъ глубокимъ въ чужости къ трагедіямъ, челоуѣческимъ духа, — разницу съ настроеніемъ господствовавшей дѣйствительности, достаточно вспомнить, что въ выборѣ пьесы для своего бенефиса артистка должна была остановиться на комедіи Виктора Крылова «Въ осадномъ положеніи».

Начиная сезонъ Вѣра Федоровна маленько, незамѣтно среди другихъ артисткою, а окончила его — сдѣлавшись общою любимцею публики. Въ тѣ дни тогда даривалъ съ Рошнинъ-Исаровымъ.

Русская сцена сдѣлала черезъ нѣсколько лѣтъ большой шагъ впередъ. Отъ петербургскаго періода она перешла къ періоду Чехова. Новое время и новыя требованія развѣляли много знаменитостей прежняго періода. Но мы знаемъ, что таланты Комиссаржевской въ этотъ новый періодъ загорѣлись еще свѣтлѣе и ярче.

Уходя впередъ отъ Чеховскаго періода, Вѣра Федоровна основала свой театръ. Но создатель его ей не удался.

Тамъ шла работа только на поверхность, въ области сценическихъ приѣмовъ. Переворотъ же и сину эпохъ дѣлаютъ новыя явленія въ области духа. Это прежде всего дѣло писателя.

Въ Художественномъ театрѣ былъ Антонъ Чеховъ. Театру Комиссаржевской не дождались своего писателя. Но въ его работѣ было что то молодое, хорошее. Чувствовалось, что тамъ бѣсѣта будущая жизнь. Это все равно, какъ весенній потокъ подъ плотною корою снѣга.

Какъ передъ появленіемъ въ мірѣ христіанства, люди стали чувствовать силу и власть Невбднова, такъ и мы чувствовали въ Комиссар